

МИШЕЛЬ МЭРФИ

ПЛЕВОК И ШЕПОТ (SPIT & WHISPER)

Движущаяся одиноко в наших руках, каждая тесная встреча повторяет историю нашей кожи. Обещание белого шума в зерне. Длинноволосяе гласные переводят нашу немому голоду пустоты. Создавая звук, я могу говорить всеми моими ртами.

Будущее пульсирует по сторонам дороги. Мошенничающее привидение, показывающее пьяного, гордящегося последствиями. Обманывающее нас с нашим самомнением. Песнь в направлении молитвы беретса сделать веру прочной. Потом песнь в противоположном направлении, плюем три раза и убегаем.

Внутри твоего имени, голос сдавленных овалов, луны смягчают толчки к шепоту сцены. Выставленные пространства я могу измерить моим языком, они - как приглашения. Я жду это за шторой слепоты, азбука Брайля желаний на кончиках моих пальцев.

Это трудно, другой путь в кружащейся братской беспечной биографии. И не владеющий его собственным диалектом занимает украдкой, как взломщик. Что поместилось на моем позвоночнике-колючке - трудный край погружения? Его напоминание загорать полностью раздетой. Он ждет конца света не как мальчишка. Его пальто пропадает к отъезду.

Голубая линия карты длится, туго натянутая. Прилаживается к моим бедрам, как корсет, что я помню страдающим в окне универмага. Я стала женщиной. Курящей у черного хода, отбирающей табак от наших зубов, интригующих, наносящих на карту наши губы. Глубокие румяна. В разговоре, передвигая стулья, устраиваясь на минутку. Шлепок светлячков. Одну только пунктуацию мы принуждаем.

Желающий тебя там, в лакричной черноте. Скажи мне, что я глупая. Под ночным безоблачным жужжаньем. Ты знаешь. Здесь - это тоже конец. Так обдирают. Наклонись в стеклянную бутылку, играй ее долгой шеей и насвистывай.

ЭТА ТЬМА (THIS DARK)

Мы знаем скорость звука, движущегося сквозь город, подземного шипения холмов, готовых гореть. Бульвары, где тупо срезанные письма света дрожат в воздухе, как внебрачные связи. Здесь удача, взятая всерьез, качается, как цепь историй над кладбищем. Из-за каждой надежды печаль нападает на нас из засады, освобождая от плоти языка. Мы выращиваем безрассудные связанные слова, позволяем алфавиту расти еще более дикое, чем воображаем, забывая, как гласные сохраняют боль, оживленную нашими поцелуями. Что за сумасшедшая птица наклонилась в свои крылья и дарит этот час? Мы ставим не на место все, что наследуем, фотографии воскового голубого торта на день рождения, прогоняя заклинания, дающие нам силы вымыть руки. Узел ощущает гладкость похвалы. Мы говорим, что знали эти пути. Эта припадавшая к земле тьма, драпированная и сдвигавшая паузы, подгоняя длину наших разговоров. Вот почему мы не говорим, сглаженные в шепоте и молве. Мили расплывались в любом направлении, мы слушали, как голоса шли, шатаясь, сквозь уличный свет, раздробленные арпеджио, опрокидывающиеся в апельсиновые рощи и свободные земельные участки, наверх, выдумывая собственные истории, как мы напевали вполголоса всю дорогу. Сострадание в долгих звуках маячит, неясное, огромное, угрожающее, между нами, как объятия красных воздушных шаров. Потом то, что мчалось стрелой через уличное движение, поддерживало приколотое к белому небу, этот компас, объем и границу разбросанных лиц, беспокоящих глагол "знать". Поодиночке. И на долгом протяжении звезды нависают замкнуто и жестко.

ШИРОТА (LATITUDES)

"Да" кажется таким маленьким, что я едва могла бы запрятать мой язык под гласную. Не то, что я хотела сказать, но это не было ничем, кроме близкого. Все слишком случайно, чтобы произносить без вносящего шершней, кормящего змей, красной глины, окружающей купальную лохань. Мы не медленнее прибываем домой без подсказывающих фигур танца тишины, как мы идем вдоль. Китайцы верят, что воображаемая красная нить связывает людей, которые намеревались быть вместе. Однако наше расстояние выращено на западе, медлит, огрызающееся, как столбы забора, пытающиеся задержать землю.

КАК ИСЧЕЗНУТЬ (HOW TO DISAPPEAR)

Мы говорим "раствориться", словно молочно-белая краска может быть сгущена до своего первоначального пигмента, цвета кожи до загара. "Мы пытаемся поверить в слишком многое. Аэропорты. Творение". Сдержанные фруктовые сады посылают дороги пылью, сверкающей на земле. Нет единственного словаря, что мог бы тревожить нас в обнаружившемся весе летнего дождя над предложением, гласные изречены сумеречной голубой тенью. Воображая тишину, мы выходим наружу, как тяжесть когда-то передвинула, не истинная смерть, но неподвижный наклон, как у последней страницы книги, которую не хочешь закончить. Пальцы скользят через другое прощание, и позже присланные сюда абрикосы были толстокожими, громадными, слишком неуклюжими для моих рук. Не с соком, а с бесформенными камнями. "Сера в моих ноздрях". Что это значит - их мягкость, соскальзывающая в наши глотки, опаляющая нас, отсутствующе. "Забудь, где в последний раз было сказано, что тебя там не было".

ПРЕВРАЩЕНИЕ (CONVERSION)

Когда она была молода, она владела рукой, сейчас безвозвратно потерянной, держащей яблоко. Она использовала, чтобы топтать, свои сапоги, чтобы ликовать - песни, поднимавшие на высоту бедра пыль в честь их непроницаемой музыки. Мозолистые шары ее ступней приглашались в остаток танца, фокстрота или ча-ча-ча. Ее ноги, грозящие расколом диско в ранний утренний холод. Чтобы хранить свои вопросы живыми, она выгравировала их на камне, разложила их по обе стороны шоссе, верящая, что чудеса могли бы снова разыграться, тем путем или другим, до новой пыли, что унесет все прочь. Чтобы сохранить ее вес между эпитафиями, было сказано, что она превращала яблоки в руки, и руки в тонкие письма, что однажды распечатанной возбуждала разгул в отдаленных городах, подбивала любимца домочадцев вместе издать вопль. Когда она была молодой, она вставала на колени у источника, чеканящего удачу, отбирающего назад желания, она думала, как неподвижно это должно быть, когда наша история выходит на несомненное отсутствие, когда рука внезапно исчезает без жалобы. Как еще угадать воды. Старая фотография с уголками показывает ее, стоящую на краю ее земли, руки бьют открыто, как спичка. Яблоко отдыхает ненадежно на ее макушке, пока один глаз косит на камеру,

Татьяна Кудрина.
"Акробаты".

СМЕЯТЬСЯ.

ПИШУЩИЙ РОМАН ДО ДЕВЯТИ ВЕЧЕРА (WRITING A NOVEL BEFORE NINE A.M.)

Это не было так, что я не могла помочь себе. Белое полотенце, развевающееся на бельевой веревке, как краткая капитуляция. Волчий ветер, ползущий через трещины в дверях. Успокаивающий в верхах крыш, и сажа, запачкавшая приветствия. Это не так, как будто ты не знаешь, что придет сюда. Щурящееся в утро, болтающее с детьми и крадущее сигареты снова и снова. Повторяющееся дневной алфавит в его первоначальном порядке. Ты хочешь быть лучше, изменить направления с каждой утренней тревогой. Фабула в твоей голове, растущая Медуза, змеящаяся или мерцающая орбитами света, зависящими от того, что было у тебя на обед прошлой ночью. Я знаю боль через которую ты проходишь. Или нет. Еще я убираю накапливающее от твоих телат и толкаюсь локтями, как будто я могла быть матерью так рано в этом предложении. Я пишу письма, просящие корпорации о маленькой помощи. Они отвечают привычным отрезом. Рысью, пони, рысью. Я ношу перо в своей чашке, когда ты учишь свои размеры, масштабы, лестницы. Кто еще может научить меня, как пальцы скользят по сердцу пианино? Или почему струны арфы, их клевавшие плинк, плинк должны напоминать мне реквиемы, не имеет значения, сколько показанных мелодий выгнано состязаться в беге против тональностей. Уши могут обмануть вас, что верящие слова уже за углом. Это тяжелее того. Легче тоже. Кого мы удивили переулками. Французские поцелуи и грязные шнурки ботинок. Романы в мягкой обложке, что не могут пережить тяжесть своих повествований. Я пытаюсь сказать тебе это в одном долгом предложении, но мое дыхание оставлено в дороге. Маленькие провалы любви. Классно, что они есть.

Переводы с английского
Александра Уланова

1997 N28